

Терра Пoesия

Евгений Лесин, Борис Кутенков, Мария Панферова,
Андрей Новиков-Ланской, Игорь Дуардович,
Вика Чембарцева, Ольга Андреева, Иван Волосюк,
Александр Колмогоров, Алина Дадаева,
Владимир Токмаков

Евгений Лесин

•

В., П., Г. и К.

Город кажется сонным и вялым
И кряхтит под зевки площадей.
Мы идем по рабочим кварталам,
Где и в будни-то мало людей.

Всюду признаки нового года,
Не убрали еще мишуру.
Были фабрики здесь и заводы,
А теперь одноклассники.ру.

Прячет прошлое сказочный город,
Монумент в уголочке стоит.
Там в 20-х зарезал рабкора
Недобитый какой-то бандит.

Ах, зачем, ах, зачем они грубы,
Ну, куда вы меня привели?
В небо рвутся огромные трубы,
А сосульки дошли до земли.

Тают рельсы у нас под ногами,
На собаку напал инвалид.
Если верить настенной рекламе
Тетья Лида здесь мощно рулит.

Сквозь остатки бомжатской пирушки
Мы заходим в загадочный двор.
Расчленил на деревьях игрушки
Тут один отставной прокурор.

Вот и речка. При всякой погоде
Освежит и ободрит река.

Взяли хлеба на хлебозаводе,
Еще теплого, прямо с лотка.

И идем по Москве, где с восторгом
Гастарбайтеры ждут рождества.
Секонд-хенд строят прямо за моргом,
Чтобы кругом пошла голова,

Чтобы новое счастье поперло
В замечательном новом году
Прямо сразу и прямо под горло.
Ох, держите, а то упаду,

Захлебнувшись торжественной речью,
Потому что излишни слова...
Я шагаю по Замоскворечью.
Я с тобою, я рядом, Москва.

Борис Кутенков

•

В город нагрянуло лето за днями дождливыми.
Пыльно, медово, миндаль и блаженство в цвету.
Зина — торговка арбузами, дынями, сливами —
сводит с концами концы и с бедою беду.
Сын — инвалид, обезноженный в автоаварии,
дочка беременна Бог разберет от кого.
А по-над городом — жиги, фокстроты и арии:
пчелы гудят, золотое суля торжество.
А по-над рынком — сонливое марево дымное:
солнце надкусит с разбега фруктовую плоть.
Нищая Зина — торговка арбузами, дынями —
слезы украдкой смахнет, чтоб не видел Господь.
И просветлится лицом, так любовно и молодо
перебирая артритными пальцами скарб,
будто не ягоды-фрукты, а платина-золото,

будто веселье и пир, а не одурь-тоска.
И, Фирузе улыбнувшись — торговке маслинами, —
ей говорит, изгибая пространство в дугу:
«Знаешь, а мы с тобой, Фира, ведь очень счастливые».
Та, поглядев как на дурочку, хмыкнет: «Угу».

Но по-над одурью — ангелы, облако ватное!
И как-то Фира, задумавшись бог весть о чем,
скажет: *«А мы с тобой, Зина, ведь очень богатые!»*
И рассмеются, обнявшись, на месте пустом...

Будто и нет расстоянья меж высью и пропастью,
будто не шаг до гибели — шатки мосты...

...Пыльно, блаженно, миндально.
Всё — замысел, промысел,
солнечный замысел ужаса, счастья, беды.

Мария Панферова

●
Чтобы когда-нибудь смочь не вернуться назад,
я обещаю: сжечь перегнивший фасад,
выплакать насквозь эти шальные глаза —
чертовы блюда.
Это не память, это зыбучий песок.
Взять бы и скомкать свое неживое лицо,
взять бы все мысли в злое, тугое кольцо —
да не даются.

Это отнюдь не сильнее меня, но целит под дых.
Я отношусь к доброте как четыре седьмых.
Раньше казалось: за мной километры родных —
строем и маршем.
Я огибаю плечо, взглядом — в томящую даль.
Четверо, строем — моя закаленная сталь.

Маме в ключицу больше не шепчется: «Жаль
мне эту Машу».

«Женщина, ваше?..» — кто-то шипит у лотка.
Я, представляете, женщиной стала, пока
вы наливали борщи, наминая бока
пьянице-мужу.
Я, не поверите, стала почти как своей.
То есть, читайте: в доску, до сизых соплей,
как уверяли вы: «Яков святой, ну ей-ей,
явно не хуже».

Счастье! Подарочный тур обывательских грез!
Я натираю полы, пью разливной кальвадос
и разрешаю себе не считаться всерьез —
лишь понарошку.
Ночью, в подушку: «Утром начать новый лист».
Но — не хватает аккордов (плохой гитарист?),
смелости, хватки, даже банальных капризов,
жертвенной кошки,

чтобы ее — по поверью — первую в дверь.
По лепестку от ромашки слышав: «не верь»,
вдруг понимаешь: вот кто ты будешь теперь.
И цепенеешь.

Смотришь, как злое кино,
В перекидное окно
И, словно мантру, твердишь бесконечно одно:
ты всё успеешь,
ты всё успеешь.

Андрей Новиков-Ланской

•
 Пена думает, что она — море,
 Облако думает, что оно — небо,
 Ветер думает, что он — воздух.
 Мы с тобой думаем, что вселенная
 исчерпана нашими снами,
 словно они — мы сами.

Пену уносит ветер
 с побережья морского.
 Облако прячется в море
 у самого горизонта.
 Мы пробуждаемся сонно
 от нашего горя.

Игорь Агаргович

•
 Во всем похваленный тобой,
 Ленился шелест теновой.
 Он начинал опять
 И рядом,
 Как подгоняемый разрядом.

Я слушал листья,
 Будто парус,
 И, ближе становясь к тебе,
 Старался видеть только пару
 Во всем,
 И ноги при ходьбе.

Я шел к тебе,
 А ты следила
 За копошащимся зверьком —
 Мирок, нависший над мирком, —
 Взаимная такая сила.

Вика Чешбарцева

РАСКОСЫЕ СНЫ

опять примерит сердце, глядя в воду,
 степные маки ветреного платья.

скуласты и раскосы сны под утро —
 кочующие всадники рассвета,
 и запахом дождей в полон полынный
 следы слепые памяти уходят.

нам не дано узнать того, что будет.
 на то, что было, солнце сыплет пеплом.
 но времена сплетаются корнями
 в созвучие имен до узнаванья.

цветет улыбка первым поцелуем,
 сорви его дыханием ответным,
 коснись меня, приди ко мне, останься,
 прибежись птичьим криком, стоном ветра

Ольга Андреева

•

Запах корвалола — как стена.
 Стоп. Кирпич. Шлагбаум.
 Дальше некуда.
 Как ни упоительна война,
 вам обоим не закинуть невода
 в эту реку.
 Истина живой
 не дается,
 но живым позволено
 становиться ветром и листвой
 под защитой звона колокольного

Иван Волостюк

•
 Я видел странную картину:
 На ней художник молодой
 Изобразил двух исполинов,
 Несущих гордо шар земной.

Нет, не в картинной галерее...
 Ее, я помню, как в бреду,
 Он выносил, благоговей,
 И ставил на столе в саду.

Какая роковая встреча
 Стихий небесной и земной.
 Ее оставили под вечер,
 А вечер тих перед грозой.

И хлынул дождь, и смылись смыслы;
 И проступила простота.
 И злая пустота повисла
 В тяжелом воздухе холста.

Александр Колмогоров

•

слепому человеку снится сон
 он крошит хлеб
 в осеннюю кормушку
 сначала мякиш трет
 потом горбушку
 потом стирая
 крошит кисть руки
 потом себя
 неспешно щедро крошит
 и цепко смотрит в дышащее небо
 о только бы не зареветь от счастья
 он думает
 чтобы успеть увидеть
 ворону журавля кого угодно
 хоть черта в ступе
 но успеть увидеть
 проклятый сон
 всего лишь сон
 не больше
 но просыпаясь
 не согласный с небом
 кричит слепой
 я видел
 не летят

Алина Дагаева

•

1.

У души своя выдержка
и крепость —
Полуразрушенная,
Брестская,
Одно окно,
 глядящее слепо
На пустошь
вересковую.

Стены,
 давящие,
 не велящие
На ветру осинничать,
Сплошь покрытые щелями,
кожей
 гусиною.

Жалко только, место публичное,
Рифмы —
 те еще папарацци,
Уходя
 повешу табличку:
«На реставрации».

2.

В коридоре слепого отчаянья
Всякий раз обращаешься в слух,

Чья-то тень одиноко качается
На полу.

Чей-то голос скребется за стенами,
Как о ветер — засохший ковыль,
Чей-то меч нависает над теменем
Восковым.

Тусклой спичкой проход освещается,
Замираю у темной двери:
Коридор впереди превращается
В лабиринт.

Владимир Токмаков

•

1.

...И, воды набравши в рот,
Спит река наоборот,
Спит неправильно гора —
Потому что в ней нора,
И неправильная птица
Спит во мне... А мне — не спится...

2.

Остановка Покровский Собор...
Все религии — просто вздор,
Дальше идет — остановка Конечная...
Жизнь моя — простая и вечная,

Не проехать бы, не промахнуться...
Кольцевая — чтоб снова вернуться,
Но уже с другой стороны, —
Где ни Бога, ни этой страны...

3.

Каждый знает себе цену —
Тигр выходит на арену,
Осень дышит нам в затылок,
Осень — ночь пустых бутылок,
Глупых, мелочных обид...
Я не сплю, и Бог — не спит...